

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Научная статья

УДК 82.091

doi: 10.17223/19986645/96/7

Три модуса «прозрачности» в поэзии Вячеслава Иванова

Никита Львович Быстров¹, Никита Сергеевич Пашкин²

^{1,2} Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия

¹ nikita-bystrov@yandex.ru

² nik.pashkin.000@mail.ru

Аннотация. Предпринимается попытка рассмотрения трех значений и, соответственно, трех модусов художественного воплощения концепта «прозрачность» в поэзии Вячеслава Иванова: «прозрачность» выступает предпосылкой видимости физических объектов, качественной характеристикой границы между «здешним» и «иным» планами мироздания (в терминологии Вяч. Иванова – «реальным» и «реальнейшим»), субъективированным началом, действующим в поэтическом мире Вяч. Иванова на правах мифологического «персонажа». Особое внимание уделяется «прозрачности» объектов в мире искусства и связанного с нею понятия «зеркальности».

Ключевые слова: поэзия Вячеслава Иванова, концепт «прозрачность», реалистический символизм, система символов, уголь и алмаз, зеркальность, «зеркало зеркал», Вечно женственное

Для цитирования: Быстров Н.Л., Пашкин Н.С. Три модуса «прозрачности» в поэзии Вячеслава Иванова // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 96. С. 131–147. doi: 10.17223/19986645/96/7

Original article

doi: 10.17223/19986645/96/7

Three modes of "transparency" in the poetry of Vyacheslav Ivanov

Nikita L. Bystrov¹, Nikita S. Pashkin²

^{1,2} Ural Federal University, Ekaterinburg, Russian Federation

¹ nikita-bystrov@yandex.ru

² nik.pashkin.000@mail.ru

Abstract. The method we apply to the examination of the symbolic concept of "transparency" in the poetry of Vyacheslav Ivanov (poems from all of the poet's collections are used as material) can be called phenomenological: starting with "transparency" as the visibility/permeability of physical objects and empirically experienced states of the soul, we move on to "transparency" as a characteristic of the boundary between the

material and ideal (in the Platonic sense) dimensions of the world, and from there to "Transparency" that has the quality of subjectivity and acts as a kind of "character" in Ivanov's poetic mythology. In the latter case, we proceed from the understanding of a typically "Ivanov's" symbol as a kind of crystalline prism, in which only one facet is always visible from one point of view, but all the other facets are simultaneously reflected in this facet. Thus, the image of "Transparency", to which the lyrical subject addresses his speech in the poem of the same title, is clearly linked to (or rather "interferes with") other feminine characters in Ivanov's poetry – Earth, Night, Memory, "the soul of twilight", etc., although this "Transparency" remains nothing more than the permeability of the boundary between "realia" and "realiora", elevated to the rank of a mythological subject. In addition, the article shows that even in the case where "transparency" refers to a property of a material object, this property/relationship itself is understood by Ivanov as symbolic, indicating a transcendental plane of reality, signifying the manifestation of the "noumenal" through the "phenomenal" and connected, as Sergei Averintsev noted, by a strictly "systemic" interdependence of individual images. Speaking about "transparency" in the sense of the open-to-view manifestation of the "higher" in the "lower", we assumed that this concept (in particular, through the image of coal, "transformed into a diamond") is quite applicable to the characteristics of art, as Ivanov understands it. Art is a mirror (cf. the poem "You, whose chisel, palette, lyre..."), which, following Yuri Levin, can be called "transparent" because it reflects not the appearance, but the essence of things, allowing the "logos" of the phenomenon to manifest itself through its material form. Since true art, according to Ivanov, is "realistic symbolism", it is "transparent" as if by definition, due to the fact that it operates with symbols, and a symbol is a form "through which reality flows", which has become directly visible. The article, among other things, notes that the logic of the development of the multi-faceted symbol of "transparency" is subordinated to the original principle of Ivanov's symbolism: the movement of "contemplation" from symbol to myth, when any more or less significant image tends to grow from the inanimate to the living, from an objective state to a subjective (although not necessarily personified) one.

Keywords: Vyacheslav Ivanov's poetry, concept of "transparency", realistic symbolism, system of symbols, coal and diamond, mirroring, "mirror of mirrors", Eternally Feminine

For citation: Bystrov, N.L. & Pashkin, N.S. (2025) Three modes of "transparency" in the poetry of Vyacheslav Ivanov. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 96. pp. 131–147. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/96/7

В одной из программных статей Вяч. Иванов пишет, что художник, приверженный «реалистическому символизму», должен «вызвать непосредственное постижение сокровенной жизни сущего снимающим все пелены изображением явного таинства этой жизни» [1. Т. II. С. 549]. В данном случае под «изображением» имеется в виду не прямая репрезентация «сокровенного», скрытого от наших глаз, а скорее актуализация границы между «сокровенным» и тем, что относится к материальному миру, или, в обычных ивановских терминах, между «realioga» и «realia», «реальнейшим» и «реальным». Утверждаясь на этой границе, искусство призвано так изображать «явное таинство» вещей (так «ознаменовывать» его в образах авторского

мифа), чтобы «гаинство» не лишилось присущей ему таинственности¹. В другой статье Иванов говорит, что для поэта-символиста, причастного сразу к двум мирам – «чувственных “проявлений”» и «сверхчувственных откровенных» (в качестве примера здесь выбран лирический субъект Тютчева), «...самое ценное мгновение в переживании и самое вещное в творчестве есть погружение в тот созерцательный экстаз, когда “нет преграды” между нами и “обнаженную бездной”, открывающейся – в Молчании» [1. Т. II. С. 591]. Ситуация преодоленности этой «преграды» в той же статье соотносится с представлением о набрасывании на «многоцветный пеплос вещества» более легкого «покрывала», которое художник создает для Мировой Души [1. Т. II. С. 601], а в поэзии Иванова она чаще всего обозначена понятием (или, по определению О.А. Кузнецовой, символическим концептом (см.: [3]) «прозрачность». Это понятие употребляется в трех пересекающихся друг с другом значениях, соответствующих трем модусам состояния описываемой реальности:

– «прозрачность» как общее качество проницаемости, ясности, зримости; в этом смысле «прозрачным» (отчетливо видимым) может быть не только отдельный объект, но и как бы просвечивающие через него явления большего (в пределе «мирового») масштаба: «“Прозрачность” есть символ – то, что соделывает “сквозным покрывало Майи”». За покрывалом открывается мир – целое» [4. С. 16];

– «прозрачность» как проявленность «realiora» в «realia», «высшей» реальности в «низшей», или «идеальное состояние физического мира, когда материальная оболочка, охватывающая его, становится прозрачной для глаза, и отчетливо обнаруживается неотделимая от него божественная сущность» [5. Р. 165]; в таком значении «прозрачность» свойственна всем символически значимым объектам, поскольку «символ... есть жизнь посредствующая и опосредствованная, не форма, которая содержит, но форма, через которую течет реальность, то вспыхивая в ней, то угасая – медиум струящихся через нее богоявлений» [1. Т. II. С. 647];

– «прозрачность» (иногда «Прозрачность» – с заглавной буквы) как субъективированное начало, способствующее преобразению мира явлений и в известной степени тождественное миру («мир – прозрачность») в его будущем (гармонизированном) состоянии.

Кратко охарактеризуем каждый из этих трех модусов.

¹ Ср. положение Л.А. Гогтишвили о «неименуемости» символического референта в поэзии Иванова: «Общесимволическая установка на “вещей обличение невидимых” толковалась Ивановым принципиально несубстанциально: не в смысле “придать невидимому облик” (опредметить беспредметное), т.е. не в смысле обретения, нахождения или создания контурно-отчетливого образа или прямо “лика” вещей невидимых, но в смысле поиска способов для того, чтобы знаменовать символический референт вопреки невозможности обрести его лик (облик, образ)» [2. С. 106].

1

Примеры «прозрачности» как физического свойства или состояния какого-либо объекта (без отсылок к трансцендентному плану) в поэзии Иванова довольно редки. Прозрачными могут быть природные стихии – вода или воздух:

Струи живые –
Бездонная прозрачность [1. Т. II. С. 522];

Сине расцветены
Горные стекла.
День – за просвеченной
Стекла светозрачнее –
Острой горой [1. Т. I. С. 750];

...В родной прозрачности торжественных небес, –
Я жду... [1. Т. II. С. 237].

Прозрачны драгоценные камни – кристаллы, с которыми С.С. Аверинцев связывает «нормальное состояние вещества» [6. С. 29] в поэтическом универсуме Иванова:

Твоих лучей живые силы
В прозрачных светах не замрут,
Пока луга весны нам милы,
О ненаглядный изумруд! [1. Т. I. С. 755];

Умильный свет пред ночью близкой,
Глубоких звезд намеком немой,
Нисходишь ты до сферы низкой,
Одет прозрачностью и тьмой [1. Т. I. С. 756];

В прозрачной мгле и тайне влажной
Нежгучих пламеней пожар,
Завет ты налагаешь важный
Бессмертной властью мудрых чар.

О камень-волхв, о Да иное,
Чем наших уст неверных Да!
Ты на земле – все неземное,
Ты – вечный синий путь... куда? [1. Т. I. С. 755].

Последний пример показывает, что драгоценные камни преломляют в себе не только природный (физический) свет. Кристина Ланда, сопоставляя символику драгоценных камней у Вяч. Иванова и Данте, отмечает, что для обоих поэтов «самоцветы становятся идеальными образами посредничества при соединении души с божественным началом через символический процесс зрительного восприятия» [7. С. 251–252].

Прозрачность – по образу и подобию материальной структуры – может характеризовать и состояние души, «внутреннего мира» в целом:

Велик и леп
Был сон слепца: в безбрежности прозрачной
Всю тварь вместил души зеркальный склеп [1. Т. III. С. 200].

Наконец, иногда «прозрачность» выступает синонимом понятности, внятности, отчетливой воспринимаемости:

...И, как львы,
Они лежат у ваших ног –
И лижут длинный ваш покров...
Их темный лик прозрачен вам... [1. Т. III. С. 13].

Следует отметить, что даже в тех случаях, когда прозрачность материальных объектов или внутренних состояний у Вяч. Иванова не выходит за пределы эмпирического переживания, ее природа никогда не остается сугубо «пососторонней». Так, например, если в стихотворении «Феофил и Мария» прозрачность «бездонна», то в этой «бездонности» угадывается нечто большее, чем просто недостижимость дна, а именно – «бездна» как бесконечность, лежащая «по ту сторону» опыта. И если вода («струи живые») описываемого здесь «затона» «зеркальна», т.е. эта «зеркальность» может и должна указывать на отражение в воде не только физических тел, но и «иной» реальности. Точно так же если героиня стихотворения роняет розу в «глубину» затона, то и «роза», и «глубина», и само падение «розы» из женских рук – это явления, образы которых все время «интерферируют» с их собственными мистико-символическими эквивалентами (ср., например, много-сложную символику розы в «Rosarium'e» из сборника «Cor Ardens»). Во всех случаях в семантическом поле каждого из этих образов «мерцают» изначально закрепленные за ними дополнительные значения, не позволяющие ограничить их восприятие чисто эмпирическим планом. Кроме того, можно сказать, что между «прозрачностью», «бездонностью», «розой», «глубиной», «зеркальностью» и подобными им понятиями устанавливаются те же отношения, какие, с точки зрения С.С. Аверинцева, характеризуют поэтическую систему Иванова в целом – когда «нет двух символов, которые не были бы связаны цепочкой смысловых сцеплений» [8. С. 171], и, следовательно, нет таких текстов, в которых определяющей была бы сугубо дискурсивная, а не символическая (парадигмально предустановленная) связь между отдельными понятиями: одно отсылает к другому с «четкостью математической пропозиции» [8. С. 185], в последовательности, заданной принципами и картиной мира «реалистического символизма».

2

Чаще всего «прозрачность» у Вяч. Иванова выступает в значении проявления «геалиа» в «gealia», трансцендентного мира в имманентном, «высшего» в «низшем» (второй модус по нашей классификации)¹. Она по-прежнему

¹ По словам С.С. Аверинцева, это такая ситуация, когда «облачко существует для того, чтобы через него просвечивали вечные звезды (все те же “кормчие” звезды), зыбая

связана со зрением, но зрение здесь как бы «двойное»: взгляд схватывает объекты как таковые и одновременно видит в них форму проявления «иной» действительности – по принципу, сформулированному в стихотворении «Gli spiriti del viso», где говорится о дантовских «духах глаз»:

Пусть преломлен в их зрящих чашах свет,
Но чист кристалл эфиросных граней.
Они – глядят: молчанье – их завет.
Но в глуби далей грезят даль пространней [1. Т. I. С. 785].

Таким может быть зрение сердца, «насыщенного» любовью:

Если глад сердец насыщен, не косит корыстный взгляд,
Тем в прозрачности явлений очи пьют жаднее жизнь [1. Т. IV. С. 78].

Таково же зрение, преображенное видением вечной Красоты (платоновского «прекрасного самого по себе»), созерцание которой объединяет «узрение» с «прозрением» (попутно подчеркивается смысловое родство «прозрения» и «прозрачности»):

– «Тайна мне самой и тайна миру,
Я, в моей обители земной,
Се, грядущему по светлому эфиру:
Путник, зреть отныне будешь мной!
Кто мой лик узрел,
Тот навек прозрел –
Дольний мир навек пред ним иной» [1. Т. I. С. 517].

Тот же (в основе своей соловьевский¹) мотив сопряженности Красоты и «прозрения» – в стихотворении «Воззревшие»:

От персти взятым бреньем
Сгорела слепота.
На дальнее прозреньем
Врачует Красота [1. Т. I. С. 748]².

и шелестящая зелень существует для того, чтобы сквозь нее увидеть и услышать “смарagdную тишину”, лиризм существует для того, чтобы сквозь него была ощутима мысль. Это и подразумевается словом “прозрачность”. Взгляд должен пройти сквозь текучее и увидеть пребывающее» [6. С. 43]. Ср. определение ивановской «прозрачности» у А. Ханзена-Леве: «Как и все мифопоэтические символы, “прозрачность” означает как метафизическое качество просвечивания, проницаемости визионерского или имажинативного видения, так и свойство феноменов представлять в этом аспекте (sub specie aeternitatis) преображенными, т.е. “очевидными” как символы некоего “мира иного” и потому в буквальном смысле “апокалиптическими”» [9. С. 413].

¹ Имеются в виду строки из финальной части поэмы В.С. Соловьева «Три свидания»: «Еще невольник суетному миру, / Под грубою корою вещества / Так я прозрел нетленную порфиру / И ощутил сиянье Божества» [10. С. 131].

² Красоту в поэтической системе Иванова можно понимать как область наиболее отчетливого совмещения «феноменального» и «ноуменального» (их взаимной проницаемости, «прозрачности»). По словам Майкла Вахтеля, Иванов, в отличие от Соловьева, «не воспринимает эти две сферы как разобщенные. Мистическое понимание символа приводит его к обнаружению органических связей (системы соответствий) между “realia” и “realiora”. Посредством символов феноменальный мир обнаруживает свою

Прозрачен мир и для зрения, условно говоря, «пророческого», способного видеть вещи в аспекте их близкого преобразования, т.е. не столько в пространственной, сколько во временной перспективе, в которой видится то, что «будет». Такое зрение может опираться на прямые или косвенные отсылки к религиозным текстам:

«Собрать желает душа царственная свет рассеянный во единое средоточие и сосуд славы, да паки Дева в конце времен венец свой небесный целокупен примет и землю прозрачну соделает, яко смарагд и сапфир и кристалл непорочный; перстное же и темное да в ничтожество возвратится, к царю тьмы» [1. Т. I. С. 317].

Но оно же может быть и вполне «непосредственным», т.е. свободно различающим «иную» реальность за пределами чувственно воспринимаемых вещей:

Кто скажет, где тот заповедный рай?
Исконное – и чуждое, не наше –
То бытие, подобное по край
Наполненной, покоящейся чаше?
Но в нем – я сам... И Муза мне: «Взирай,
Сколь жизнь твоя была полнее, краше...» [1. Т. III. С. 534]¹.

В связи с последней цитатой (из стихотворения «Деревья») приходит на память свидетельство Вяч. Иванова об однажды «услышанных» им в Крыму трех латинских формулах: «1) Quod non est debet esse; 2) Quod est debet fieri; 3) Quod fit erit (“То, чего нет, то должно быть; и то, что есть, должно становиться; и становящееся будет”))». По интерпретации самого поэта, эти загадочные высказывания «представляют собой совершенную Троицу: первое – Отца – Вечное Бытие, второе – страстного (а всякое становление есть претерпевание, страсть) Сына, а третье – вечное возвращение от того, что было, к тому, что будет, – Духа Святаго» [13. С. 88–89].

Думается, слова о «заповедном рае», в котором пребывает лирический субъект («Но в нем – я сам»), могут быть истолкованы с помощью третьей формулы, предполагающей, что финальное состояние мира (собственно, «рай»), которое только еще должно наступить, уже было когда-то, а в некоем «ноуменальном» плане всегда есть. В этом смысле для субъекта, обнаружившего себя самого в грядущем «раю» (пока еще «чуждом, не нашем»), «прозрачно» не пространство, а время, которое развернуто сразу в абсолют-

причастность ноуменам. Об этом убедительнее всего свидетельствует поэзия Иванова, в которой зримые проявления “realiora” (такие, например, как таинственный женский образ в стихотворении “Красота”) принадлежат земному миру в той же степени, что и миру небесному» [11. Р. 64].

¹ Здесь и далее курсив в цитатах наш. О видении в режиме «непосредственного» восприятия высшего (сверхприродного, непреходящего) плана реальности, просвечивающего сквозь низший (материальный, временный) план; см. [12].

ное прошлое и абсолютное будущее, совпадающие друг с другом и тем самым друг друга отрицающие (ср. образ иссякшего времени как уробороса в стихотворении «Время»: «Время нас, как ветер, мчит, / Разлучая, разлучит, – / Хвост змеиный в пасть вберет / И умрет» [1. Т. III. С. 544]).

Заметим, что для Иванова видеть реальность «прозрачной», т.е. наполненной зримыми манифестациями трансцендентного, фактически то же самое, что видеть ее изменившейся, преображенной. Так, в одном из стихотворений он связывает действия «прозрачности» (точнее, «Прозрачности» как некоей субъективированной силы) с образом превращения/преображения угля в алмаз:

Когда, сердца пронзив, Прозрачность
Исполнит солнцем темных нас,
Мы возблестим, как угля мрачность,
Преображенная в алмаз [1. Т. I. С. 754].

Ближайший источник последних двух строк этого четверостишия – статья В.С. Соловьева «Красота в природе». Здесь красота уподобляется воздействию света на материю углерода, которая «сохраняя всю силу своего сопротивления (как твердое тело), определилась, однако же, противоположным в себе самой, ставши прозрачною, вполне просветленною, невидимою в своей темной особности» [14. С. 357]¹. Под влиянием света вещество углерода преобразуется, из темного угля рождается алмаз – «одна светоносная материя и воплощенный свет, просветленный уголь и окаменевшая радуга» [14. С. 358]. Одновременно и сам свет, «задержанный кристаллическим телом алмаза, в нем и от него получает новую полноту феноменального бытия, преломляясь, разлагается или расчленяется в каждой грани на составные цвета, из простого белого луча превращается в сложное собрание многоцветных спектров» [14. С. 358]. Иначе говоря, преобразование угля в алмаз – это рождение нового бытия, в котором свет и материальное вещество выступают как единое целое, не отрицая и не подавляя друг друга. Но если алмаз целиком – и свет, и кристалл, а мы, «исполнившись», по Вяч. Иванову, солнцем Прозрачности, становимся подобны алмазу, то различия между нами и светом должны исчезнуть²:

О Свет, мы будем в гранях тесных
Ты сам – и цель твоих мечей! [1. Т. I. С. 754].

¹ О переключке ивановской символики угля и алмаза со статьей Соловьева, а также о других символистских текстах, касающихся этой темы, см., например: [15. С. 315–316].

² Упоминание в этом стихотворении «жертвенного сердца» («Стань в сердце жертвенном твердыней, / Солнцедробящая звезда!») актуализирует мотив «смерти» угля, за которой следует новая жизнь (алмаз), в соответствии с унаследованным от Гёте принципом «умри и стань!», чрезвычайно важным для Иванова. Ср. начало седьмого сонета из цикла «Спор»: «Как мертвый уголь, перекален раскалом, / Родит ковчежец солнц – алмаз...» [1. Т. II. С. 405].

Тот же образ встречается в более позднем стихотворении «Язык», где слово поэта, «певца», тоже уподоблено превращению угля (очевидно, «родной речи» как «земли родной») в алмаз («гимн»):

Прославленная, светится, звеня
С отгулом сфер, звучащих издалеча,
Стихия светом умного огня.

И вещей гимн, их свадебная встреча;
Как уголь, в алмаз замкнувший солнце дня, –
Творенья духоносного предтеча [1. Т. III. С. 567].

Мир, творимый «певцом» (и любым художником), также, пусть и с некоторой долей метафоричности, можно назвать «прозрачным». Важно лишь, чтобы «певец» исповедовал принципы «реалистического символизма», требующего «столь близкого означенания... вещей, при котором случайные признаки их отображения в физическом мире должны отпасть, как затемняющие правое зрение пелены» [1. Т. II. С. 542] (это требование Иванов приписывает Платону, имея в виду скорее «платоническую» эстетику в целом). Возьмем в качестве примера одно стихотворение из «Римского дневника 1944 г.:

Вы, чьи резец, палитра, лира,
Согласных Муз одна семья,
Вы нас уводите из мира
В соседство инобытия.

И чем зеркальной отражает
Кристалл искусства лик земной,
Тем явственней нас поражает
В нем жизнь иная, свет иной.

И про себя даемся диву,
Что не приметили досель,
Как ветерок ласкает ниву
И зелена под снегом ель [1. Т. III. С. 643].

Поэт уподобляет искусство отражающему мир кристаллу, сквозь который мы видим вещи в их «инобытийном» аспекте, т.е. в свете их сущностных («логосных»¹) начал, или идей-эйдосов. Мы хорошо знакомы с этими вещами, но искусство позволяет увидеть их как бы впервые: в нем нашему

¹ Искусство «ознаменовывает» реальность, воссоединяя в художественном образе «опрозраченный», ставший зримым «логос» вещи и соотносимые с ним предметные формы. Именно в этом смысле в одной из поздних ивановских статей говорится о «логизме» Пушкина: «Пушкин мыслит самим миром, т.е. логизмом идей, воплотившихся в вещах. Вещи берет он “эйдетически”, как теперь говорят – неизменно выявляя в них идею как прообраз» [1. Т. IV. С. 636].

взгляду задается единственный в своем роде ракурс эйдетически-целостного («опзрачнивающего») зрениа.

Отметим, что хотя искусство «зеркально» отражает мир («лик земной»), в самом отражении угадывается другая реальность – «жизнь иная, свет иной». Если бы художник вошел в эту реальность, он покинул бы пределы искусства, переместившись в область философского или мистико-визионерского созерцания. Поэтому он должен остановиться на той границе между «realia» и «realioga», которая здесь маркируется образом зеркала. Ориентируясь на семиотическую типологию зеркал Ю.И. Левина, такое зеркало можно определить как «прозрачное», поскольку оно позволяет совместить «два независимых сообщения на одном носителе» – «отраженное» и «видимое сквозь» [16. С. 10], а в нашем стихотворении – сам отражаемый предмет и его невидимый вне искусства «инобытийный» образ. В подобных случаях «нарушение аксиомы буквальности изображения может приводить, в частности, к идее зеркала, отражающего не видимость, а сущность, – или же вовсе “замещающего” зеркала» [16. С. 11]. Учтем здесь также принятую у Вяч. Иванова трактовку искусства как «зеркала зеркал» (*speculum speculorum*), которое, будучи «наведенным на зеркала раздробленных сознаний, восстанавливает изначальную правду отраженного, исправляя вину первого отражения, извратившего правду» [1. Т. II. С. 601]. Речь идет о том, что искусство – это зеркало, как бы наслаивающее отраженный в нем образ мира на отражения в зеркалах индивидуальных сознаний¹ и тем самым «корректирующее» эти отражения, открывающее в них через систему «соподчиненных символов» иной план, доступный лишь «двойному» (или, как в стихотворении «Красота», «прозревшему») зрению, а именно – символическую проекцию «единого бытия, где каждая клеточка живой благоухающей ткани творит и славит свой лепесток, и каждый лепесток излучает и славит сияющее средоточие неисповедимого цветка – символа символов, Плоти Слова» [1. Т. II. С. 601]².

3

Согласно часто цитируемому высказыванию Ольги Дешарт, природа ивановской «прозрачности» «антиномична: среда должна быть прозрачной, чтобы не препятствовать прохождению солнечного луча, который ею, непрозрачной, будет либо задержан, либо затемнен и невидим; но она не должна быть абсолютно прозрачной, должна преломлять луч – иначе Res не

¹ Очевидно, подобным же образом наслаивается на «многоцветный пеплос естества» уже упоминавшееся «драгоценное покрывало Душе Мира», ткущееся художником: первый – непосредственно воспринимаемая реальность, второе – «более духовная и прозрачная» совокупность символов «единого бытия» (см.: [1. Т. II. С. 601]). Как пишет Е. Сошкин, «завеса формы зиждимой, набрасываемая на завесу низшей реальности... как бы подменяет собой эту более густую завесу и в конечном счете способствует трансцензусу» [17. С. 255].

² О возможных философско-теологических источниках концепции «зеркала зеркал» и, в частности, о ее перекличках со схоластической теорией «аспектов» см. [18. С. 40–41].

будет видна, ибо невидима она сама по себе» [1. Т. I. С. 63]. Возможно, с этим представлением (по крайней мере, отчасти) связана склонность Вяч. Иванова к оксюморонным сочетаниям типа «темный и прозрачный», «прозрачная мгла», «одет прозрачностью и тьмой», «прозрачный сумеречно-светлый <час>»¹. Последнее – из стихотворения «Душа сумерек»:

В прозрачный, сумеречно-светлый час,
В полутени сквозных ветвей,
Она являет свой лик и проходит мимо нас –
Невзначай, – и замрет соловей,
И клики веселий умолкнут во мгле лугов
На легкий миг – в жемчужный час, час мечты,
Когда медленней дышат цветы, –
И она, улыбаясь, проходит мимо нас
Чрез тишину... Тишина таит богов [1. Т. I. С. 740].

Явление таинственной героини этого стихотворения («души сумерек», типологически близкой к образам Вечно женственного в поэзии Вяч. Иванова) не может быть воспринято при дневном свете – не только потому, что оно – не «дневное», но и потому что в таком свете растворилась бы, слившись с ним, любая «инобытийная» сущность. Время, когда ее «клик» становится зримым, – «прозрачный, сумеречно-светлый час» (он же, по сочетанию «сумеречного» и «светлого», «жемчужный»), краткий промежуток между днем и ночью. Здесь «она» открывается взгляду, словно бы окутанная дымкой или неким «сфумато»², в котором сдвигаются, размываются и «опрозрачиваются» границы между предметами. Изображение строится в ритме плавного потока, с акцентом на убывающем, замирающем движении: «она ... *проходит* мимо нас / ... и *замрет* соловей»; «клики веселий *умолкнут*»; «*медленней дышат* цветы». На переходе из света в темноту фиксируется точка мгновенного равновесия:

О робкий дар!
Улыбка распутий! Крылатая вечность скрестившихся чар!
Меж тем, что – Ночь, и тем, что – День,
Рей, молчаливая! Медли, благая!
Ты, что держишь в руке из двух пламеней звездных весы!
Теплится золото чаши в огнях заревой полосы,
Чаша ночи восточной звездой занялась в поднебесье!
О равновесье! [1. Т. I. С. 740].

¹ Л.А. Гоготишвили видит в таких сочетаниях один из основных приемов смыслопорождения у Вяч. Иванова: поэт должен «подготовить... катартически-референциальный пик стиха, когда ... сквозь кружева синтаксических антиномических сочетаний земных имен “просквозит” остающееся невидимым и несказанным (не имеющее и не получившее образа и имени)» [2. С. 113].

² Теорию «воздушной перспективы» Леонардо да Винчи как один из источников поэтики «прозрачности» у Иванова (наряду с аристотелевской концепцией эфира и «Учением о цвете» Гёте) упоминает О.А. Кузнецова см. [3. С. 284]); специально о сфумато в этом контексте см. [19. С. 158–160]. См. также [20. С. 102].

«Равновесье» знаменует гармонию «Ночи» и «Дня», или, в символическом плане (с отчетливыми новалисовско-тютчевскими коннотациями, вообще характерными для «ночного» мира Иванова), «реальнейшего» и «реального», которые уподоблены чашам весов, застывающим друг против друга на одно-единственное мгновение: «Миг – и одна низойдет, и взнесется другая...». Именно в это мгновение их единство открывается взгляду (отсюда стремление лирического субъекта продлить его: «Медли, благая!», «Бессмертный лик остановив, / Мглою и мерцаньем повеи чело...»). Интересно при этом, что окликаемая героиня «держит» весы в «равновесье»¹ и одновременно «проходит мимо нас», «реет» как «крылатая вечность...», и что призывы «рей!» и «медли!», тоже одновременные, подразумевают едва ли не тождество двух разных состояний – движения и остановки. Это типичный для Иванова парадокс – особого рода неэкстенсивная динамика, совпадающая с пребыванием в неподвижности (ср., например: «О, плаванье, подобное покою!...» [1. Т. III. С. 562] или «И, в золоте песков увязшая кормой, / ... / Святит в крылатом сне ладья живая Богу / И лепет паруса, и свой полет прямой» [1. Т. III. С. 597])². Здесь этот парадокс, кроме прочего, усиливает эффект взаимной прозрачности света и темноты в их «антиномическом» единстве.

В образном строе стихотворения ясно слышится отзвук тютчевского «Тени сизые смешались...»: перекликаются мотивы умолкания/замирания, равновесия (у Тютчева – равенства «я» и мира: «Все во мне, и я во всем»), призывания, обращенного у Тютчева – к «сумраку», у Иванова – к «душе сумерек». Однако позиции лирических субъектов различны: субъект Тютчева стремится «вкусить уничтожения» в наступающей ночи, а сам по себе «сумрак» для него менее ценен – существеннее то состояние, которое им предвосхищается. У Иванова же субъект сосредоточен на «хрупком мгновении равновесья», на опрозраченной сумерками границе между днем и ночью. Прозрачность как таковая – проницаемость, «сквожение» друг через друга взаимно противоположных начал – в его случае оказывается перво-степенным, если не единственным предметом созерцания (здесь Иванов странным образом предстает менее «дионисийствующим» поэтом, чем Тютчев, в душе которого, как сказано в одной из цитированных выше статей, Дионис «могущественнее» Аполлона [1. Т. II. С. 591]).

4

«Прозрачность» в поэзии Вяч. Иванова может выступать не просто как одно из состояний реальности (свойство объекта или нематериальная среда,

¹ Ср. в более позднем стихотворении с похожим женственным персонажем: «Какой прозрачный блеск! Печаль и тишина... / Как будто над землей незримая жена, / Весы хрустальные склоняя с поднебесья, / Лелеет хрупкое мгновенье равновесья» [1. Т. IV. С. 15].

² См. об этом [21].

в которую он помещается¹), но и как сущность, занимающая позицию персонажа поэтической мифологии (третий из ее отмеченных выше модусов). Здесь – та ситуация, в которой, по словам Л.В. Маштаковой и Е.К. Созиной, «Прозрачность становится условно персонифицированной связью между образами мира. Условно – потому что ... она лишена своего облика, но может действовать» [20. С. 110]. Примеров такой прозрачности немного, но они выразительны. Как мы уже видели, в стихотворении «Алмаз» прозрачность изображается как живая и активная субстанция, имеющая признаки онтологической самостоятельности: «Когда сердца пронзив, Прозрачность / Исполнит солнцем, темных, нас...» и т.д. [1. Т. I. С. 754]. В стихотворении «Прозрачность» ее «субъектность» выражается в конструкциях типа «Ты твердь улегчила»; «...ты лунною ризой / Скользнула на влажные лона; / Пленила дыхания мая»; «Колдуешь ты с солнцем»; «воздушною лаской / Ты спишь на челе Джоконды» и т.д. Здесь же «Прозрачность» выступает адресатом молитвенного призыва, который, кроме прочего, свидетельствует о ней как об одушевленной силе, способной радикально преобразить «видения» и «изволения» жизни:

Прозрачность! улыбчивой сказкой
Соделай видения жизни,
Сквозным – покрывало Майи²!
Яви нам бледные раи
За листвою кущ осенних;
За радугой легкой – обеты;
Вечерние скорбные светы
За цветом садов весенних!
Прозрачность! божественной маской
Утишь изволения жизни [1. Т. I. С. 737].

Нетрудно заметить, что «Прозрачность», раскрываясь в таком качестве, подобна другим женственным персонажам поэзии Иванова, к которым обычно обращена речь лирического героя, – Земле (как образу Мировой Души), Памяти, Ночи, «душе сумерек» и т.п. С одной стороны, «Прозрачность» оказывается свойством каждого из этих персонажей (все они знаменуют проницаемость грани между женским началом, относящимся к тварному универсуму, и мужским, связанным с божественным Логосом), а, с другой – включается в их ряд на правах изоморфной им сущности.

По крайней мере, одно стихотворение Иванова (первый сонет из триптиха «Кто?») дает основание понимать «прозрачность» как начало, равное и даже в некотором смысле тождественное «миру», но именно такому миру, на который смотрит не человек, а Бог:

¹ Такова, например, в сонете «Аpollini» «прозрачность бессмертная», в которую, как в родниковую или колодезную воду («криницу»), Аполлон погружает загадочных «вещих Дафн» [см.: 1. Т. II. С. 359].

² По убедительному предположению Е. Сошкина, источником этого мотива может служить «шопенгауэровская метафора опрозрачивания покрывала Майи: “для того, кто совершает добрые дела, покрывало Майи становится прозрачным”» [17. С. 255]. Цитата из Шопенгауэра – по [22. С. 468].

Пустых зеркал стооумная мрачность
В ста бликах пьет дня первый робкий блик,
В ста откликах рассветный множит клик.
Глядится Бог в свой мир, и мир – прозрачность [1. Т. I. С. 784].

Можно предположить, что «мир – прозрачность» является здесь антитезой миру «пустых зеркал»; точнее, это тот же самый мир, только существующий не в реальности, а как бы в замысле Бога (в плане «реальнейшего»). Прозрачность в данном случае – не просто условие зримости вещей, когда Бог «глядится» в них и видит их ясно и отчетливо, но и общая характеристика их взаимной открытости, единства друг с другом и с Творцом (выражаясь по-соловьевски, «всеединства»), а мир как такая прозрачность – прообраз вселенской гармонии, воспринятый в перспективе близкого воплощения и как будто уже различимый в отражениях «пустых зеркал» (ср. «робкий блик» дня и «рассветный клик», которые, как часто бывает у Иванова, двойственны: это «день» и «рассвет» в обычном и одновременно метафизическом смысле).

Отметим еще один момент, отчасти связанный с «субъектным» статусом «прозрачности»: то, что прозрачно, способно не только быть видимым, но и *видеть*. Таков, прежде всего, сам видящий глаз, который, согласно Гёте, а до него – Платону, должен быть «солнечным», чтобы видеть солнце:

В зрачках земных зажжен свет солнц богоявленный,
Да видим славу дня и звездный хор ночей... [1. Т. I. С. 786]¹.

Но видящим бывает и «опрозраченное» пространство (место события или среда, в которой оно происходит), когда то, что видит вокруг себя ивановский герой, само смотрит на него. Так актуализируется мотив «взгляда из глубины»:

И новый свет нахлынувшей волною
Мой дух воззвал, и зрящая среда
Слепительной разверзлась глубиною [1. Т. I. С. 648];

...И кругозор из глуби сферы покой –
Твое ли, Вечность, взморье то и всполье?
Пред очесами тихими какою
Одеждою прикрою стыд мой голый?.. [1. Т. III. С. 563].

В заключение напомним, что, по мысли Вяч. Иванова, «реалистический символизм идет от символа к мифу» и «созерцание символа раскрывает в символе миф» [1. Т. II. С. 554]. В соответствии с этим принципом космологически значимые символы в ивановской поэзии почти неизбежно приобретают облик мифических персонажей («ночь» становится «Ночью»,

¹ Подробнее об этом см. [3. С. 283]. О мотивах, связанных с представлением о «солнечности» глаза в символистской поэзии, см. также [9. С. 198–205].

«земля» – «Землей», «память» – «Памятью» и т.п.). Не удивительно поэтому, что и символ «прозрачности», сохраняя исконное значение видимости/проницаемости «внутреннего» (как в рационально-эмпирическом, так и в мистическом аспекте), трансформируется в образ сверхтелесного существа, не только участвующего в жизни мира, но и способствующего его преобразению.

Список источников

1. Иванов В.И. Собр. соч. Т. I–IV. Брюссель : Foyer oriental chrétien, 1971–1987.
2. Гоготшивили Л.А. Непрямое говорение. М. : Языки славянских культур, 2006. 720 с.
3. Кузнецова О.А. Концепт «прозрачность» у Вяч. Иванова // Вячеслав Иванов – Петербург – мировая культура : материалы междунар. науч. конф., 9–11 сент. 2002 г. Томск ; Москва : Водолей Publishers, 2003. С. 280–285.
4. Блок А. Творчество Вячеслава Иванова // Блок А. Собр. соч. : В 8 т. Т. 5. М. ; Л. : ГИХЛ, 1962. С. 7–18.
5. Davidson P. The Poetic Imagination of Vyacheslav Ivanov: a Russian Symbolist Perception of Dante. Cambridge : Cambridge University Press, 1989. 319 p.
6. Аверинцев С.С. Вячеслав Иванов // Иванов В.И. Стихотворения и поэмы / вступ. ст. С.С. Аверинцева, сост., подгот. текста и примеч. Р.Е. Помирченко. Л. : Сов. писатель, 1976. С. 5–62.
7. Ланда К. К вопросу о дантовских влияниях в ранней поэзии Вячеслава Иванова (1904–1919): поэтика «прозрачности и отражения» // Историческое и надвременное у Вячеслава Иванова: к 150-летию Вячеслава Иванова : [материалы] Десятой междунар. конф. / под ред. М. Плюхановой и А. Шишкина. Salerno, 2017. С. 235–265. (Europa Orientalis).
8. Аверинцев С.С. Поэты. М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. 364 с.
9. Ханзен-Леве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм. Космическая символика / пер. с нем. Ю. Некрасова. СПб. : Акад. проект, 2003. 816 с.
10. Соловьев В.С. Стихотворения и шуточные пьесы / вступ. ст., сост., прим. З.Г. Минц. Л. : Сов. писатель, 1974. 352 с.
11. Wachtel M. Russian Symbolism and Literary Tradition: Goethe, Novalis and Poetics of Vyacheslav Ivanov. Madison : The University of Wisconsin Press, 1994. 256 p.
12. Котрелев Н.В. «Видеть» и «ведать» у Вяч. Иванова. (Из материалов к комментарию на корпус лирики) // Вячеслав Иванов: творчество и судьба: к 135-летию со дня рождения / [сост. Е.А. Тахо-Годи]. М. : Наука, 2002. С. 7–19.
13. Альтман М.С. Разговоры с Вячеславом Ивановым. СПб. : Инапресс, 1995. 384 с.
14. Соловьев В.С. Сочинения : В 2 т. Т. 2 / под общ. ред. и сост. А.А. Гулыги, А.Ф. Лосева; примеч. С.Л. Кравца и др. 2-е изд. М. : Мысль, 1990. 822 с.
15. Игошева Т.В. Символика драгоценного камня в поэтической книге Вяч. Иванова «Прозрачность» // Башня Вячеслава Иванова и культура Серебряного века: [сб. ст.]. СПб. : Филол. ф-т С.-Петерб. гос. ун-та, 2006. С. 310–322.
16. Левин Ю.И. Зеркало как потенциальный семиотический объект // Зеркало. Семиотика зеркальности / [ред. З.Г. Минц]. Тарту : ТГУ, 1988. С. 6–24. (Труды по знаковым системам; т. XXII).
17. Сошкин Е. Вёсны и осени: Возвращаясь к вопросу о влиянии Вячеслава Иванова на Мандельштама // Toronto Slavic Quarterly. 2014. № 47. С. 240–260.
18. Бёрд Р. Символ и аспект у Вячеслава Иванова // От Кибирова до Пушкина: сб. в честь 60-летия Н.А. Богомолова. М. : Новое литературное обозрение, 2011. С. 30–45.
19. Кузнецова О.А. Заметки о поэтике Александра Блока и Вяч. Иванова («Стихи о Прекрасной Даме» и «Прозрачность») // Александр Блок: Исследования и материалы / отв. ред. Н.Ю. Грякалова. СПб. : Пушкинский Дом, 2020. С. 143–161.

20. Маштакова Л.В., Созина Е.К. Поэтика теофании в книгах Вяч. Иванова «Кормчие звезды» (1902–1904) и «Прозрачность» (1904): трансформации вечножественных образов // Имагология и компаративистика. 2022. № 18. С. 94–117.

21. Быстров Н.Л. Движение и неподвижность в поэтическом мире Вяч. Иванова // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2013. № 3 (117). С. 210–223.

22. Шопенгауэр А. О четвероюм корне...; Мир как воля и представление. Т. 1: Критика кантовской философии / пер. М.И. Левиной. М.: Наука, 1993. 672 с.

References

1. Ivanov, V.I. (1971–1987) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vols 1–4. Brussels: Foyer oriental chrétien.

2. Gogotishvili, L.A. (2006) *Nepryamoe govorenie* [Indirect Speaking]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.

3. Kuznetsova, O.A. (2003) [The concept of "transparency" in Vyacheslav Ivanov's works]. *Vyacheslav Ivanov – Peterburg – mirovaya kul'tura* [Vyacheslav Ivanov – Petersburg – World Culture]. Proceedings of the International Conference. Saint Petersburg. 9–11 September 2002. Tomsk; Moscow: Vodoley Publishers. pp. 280–285. (In Russian).

4. Blok, A. (1962) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 5. Moscow; Leningrad: GIKhL. pp. 7–18.

5. Davidson, P. (1989) *The Poetic Imagination of Vyacheslav Ivanov: a Russian Symbolist Perception of Dante*. Cambridge: Cambridge University Press.

6. Averintsev, S.S. (1976) Vyacheslav Ivanov. In: Ivanov, V.I. *Stikhotvoreniya i poemy* [Poems and Narrative Poems]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'. pp. 5–62. (In Russian).

7. Landa, K. (2017) K voprosu o dantovskikh vliyaniyakh v ranney poezii Vyacheslava Ivanova (1904–1919): poetika "prozrachnosti i otrazheniya" [On the question of Dante's influences in the early poetry of Vyacheslav Ivanov (1904–1919): The poetics of "transparency and reflection"]. In: Plykhanova, M. & Shishkin, A. (eds) *Istoricheskoe i nadvremennoe u Vyacheslava Ivanova: k 150-letiyu Vyacheslava Ivanova* [Historical and Transcendental in Vyacheslav Ivanov: on the 150th Anniversary of Vyacheslav Ivanov]. Salerno: [s.n.]. pp. 235–265.

8. Averintsev, S.S. (1996) *Poety* [Poets]. Moscow: Shkola "Yazyki russkoy kul'tury".

9. Hansen-Löve, A.A. (2003) *Russkiy simvolizm. Sistema poeticheskikh motivov. Mifopoeticheskiy simvolizm. Kosmicheskaya simvolika* [Russian Symbolism. The System of Poetic Motifs. Mythopoetic Symbolism. Cosmic Symbolism]. Translated from German by M.Yu. Nekrasov. Saint Petersburg: Akademicheskii proekt.

10. Solov'ev, V.S. (1974) *Stikhotvoreniya i shutochnye p'esy* [Poems and Comic Plays]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'.

11. Wachtel, M. (1994) *Russian Symbolism and Literary Tradition: Goethe, Novalis and Poetics of Vyacheslav Ivanov*. Madison: The University of Wisconsin Press.

12. Kotrelev, N.V. (2002) Videt' i vedat' u Vyach. Ivanova. (Iz materialov k kommentariyu na korpus liriki) [Seeing and knowing in Vyacheslav Ivanov. (From materials for a commentary on the corpus of lyrics)]. In: Takho-Godi, E.A. (ed.) *Vyacheslav Ivanov: tvorchestvo i sud'ba: k 135-letiyu so dnya rozhdeniya* [Vyacheslav Ivanov: Creativity and fate. On the 135th anniversary of his birth]. Moscow: Nauka. pp. 7–19.

13. Altman, M.S. (1995) *Razgovory s Vyacheslavom Ivanovym* [Conversations with Vyacheslav Ivanov]. Saint Petersburg: Inapress.

14. Solov'ev, V.S. (1990) *Sochineniya* [Works]. 2nd ed. Vol. 2. Moscow: Mysl'.

15. Igosheva, T.V. (2006) Simvolika dragotsennogo kamnya v poeticheskoy knige Vyach. Ivanova "Prozrachnost'" [Symbolism of a Precious Stone in Vyacheslav Ivanov's Poetic Book Transparency]. In: *Bashnya Vyacheslava Ivanova i kul'tura Serebryanogo veka* [Vyacheslav Ivanov's Tower and the Culture of the Silver Age]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. pp. 310–322.

16. Levin, Yu.I. (1988) Zerkalo kak potentsial'nyy semioticheskiy ob"ekt [The mirror as a potential semiotic object]. In: Mints, Z.G. (ed.) *Zerkalo. Semiotika zerkal'nosti* [Mirror. Semiotics of Mirroring]. Tartu: Tartu State University. pp. 6–24.

17. Soshkin, E. (2014) Vesny i oseni: Vozvrashchayas' k voprosu o vliyaniі Vyacheslava Ivanova na Mandel'shtama [Springs and autumns: returning to the question of Vyacheslav Ivanov's influence on Mandelstam]. *Toronto Slavic Quarterly*. 47. pp. 240–260.

18. Berd, R. (2011) Simvol i aspekt u Vyacheslava Ivanova [Symbol and Aspect in Vyacheslav Ivanov]. In: *Ot Kibirova do Pushkina* [From Kibirov to Pushkin]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 30–45.

19. Kuznetsova, O.A. (2020) Zametki o poetike Aleksandra Bloka i Vyach. Ivanova ("Stikhi o Prekrasnoy Dame" i "Prozrachnost") [Notes on the poetics of Alexander Blok and Vyach. Ivanov ("Poems about the Beautiful Lady" and "Transparency")]. In: Gryakalova, N.Yu. (ed.) *Aleksandr Blok: Issledovaniya i materialy* [Alexander Blok: Research and Materials]. Saint Petersburg: Pushkinskiy Dom. pp. 143–161.

20. Mashtakova, L.V. & Sozina, E.K. (2022) Poetics of theophany in Kormchiye zvyozdy (1902–1903) and Prozrachnost' (1904) by Vyacheslav Ivanov: Transformations of Eternal Feminine images. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 18. pp. 94–117. (In Russian). doi: 10.17223/24099554/18/5

21. Bystrov, N.L. (2013) Dvizhenie i nepodvizhnost' v poeticheskom mire Vyach. Ivanova [Movement and stillness in the poetic world of Vyacheslav Ivanov]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki*. 3 (117). pp. 210–223.

22. Schopenhauer, A. (1993) *O chetveroyakom korne...; Mir kak volya i predstavlenie* [On the Fourfold Root...; The World as Will and Representation]. Translated from German by M.I. Levina. Vol. 1. Moscow: Nauka.

Информация об авторах:

Быстров Н.Л. – канд. филос. наук, доцент кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). E-mail: nikita-bystrov@yandex.ru

Пашкин Н.С. – магистрант департамента «Филологический факультет» Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия); журналист-редактор новостного портала «Издательства «Медиа-Бизнес»» (Екатеринбург, Россия). E-mail: nik.pashkin.000@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

N.L. Bystrov, Cand. Sci. (Philosophy), associate professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russian Federation). E-mail: nikita-bystrov@yandex.ru

N.S. Pashkin, master's student, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russian Federation). E-mail: nik.pashkin.000@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 17.12.2024;
одобрена после рецензирования 13.01.2025; принята к публикации 21.07.2025.*

*The article was submitted 17.12.2024;
approved after reviewing 13.01.2025; accepted for publication 21.07.2025.*